

науке, так и в эзотерике, – если не научимся или, точнее, не осмелимся увидеть эту скрытую сторону профессии. Эту обратную сторону профессиональной луны.

Разумеется, можно было бы сказать, что все это можно отнести и к любой другой судьбе и профессии. Отчасти с этим придется согласиться, но нельзя не видеть, что в судьбе архитектора этот разрыв во много раз значительнее и важнее, чем в других, более исторически успешных профессиях, в том числе, в профессии художника, ученого и философа.

Архитектор в новой реальности / An Architect in the New Reality

Наступивший 2018 год содержит, среди прочих, пятидесятилетний юбилей Римского клуба. По этому поводу в самом конце года ушедшего вышел очередной доклад этого знаменитого клуба интеллектуалов, озабоченных глобальными проблемами общечеловеческого масштаба¹.

Целый раздел доклада посвящен задачам архитектуры и градостроительства в той новой реальности, которая предлагается человечеству вместо привычной старой, твердым шагом идущей к неизбежной катастрофе.

Нельзя сказать, что урбанистический раздел доклада содержит нечто принципиально революционное. Экогорода, замкнутый цикл по основным ресурсам, энергетика с нулевым балансом на основе «чистых» источников, баланс рурального и урбанизированного образа жизни – все это обсуждается уже не первое десятилетие.

Интересно другое. Как всегда в докладах Римского клуба, в тексте прослежены неожиданные связи архитектуры с экономикой, экологией, социологией, социальной психологией. И вот этот-то «трансдисциплинарный» подход как раз очень активно будит мысль и порождает массу острых и рискованных, но содержательных вопросов.

Итак, вопрос первый: для кого в основном работают архитекторы старой, традиционной реальности? Кто способен оплатить их высококвалифицированный и творческий труд? Заказчик неизбежно относится к ничтожному проценту имущих, которым принадлежит от 50 до 90% всех богатств мира (социология). Это, по большей части, финансовые спекулянты, потому что именно они преобладают среди богатых и сверхбогатых: ведь девяносто восемь процентов финансовых операций несут ныне спекулятивный характер (экономика). Это люди с психологией временщиков и паразитов – ведь они ничего не производят, а все свои богатства получают в результате сложных и хитрых игр в банковской и биржевой сферах (социальная психология). Именно поэтому их потребительство несет явный отпечаток безумной алчности и расточительности. Так, десять процентов самых богатых домохозяйств мира являются источником сорока пяти процентов общего объема выбросов мусора и атмосферных загрязнений (экология).

Вполне естественно, дальше следует второй вопрос: а что же здесь нового? Начиная с египетского Древнего царства архитектор работал по заказам богатых и властных. Царица Хатшепсут, герцог Лоренцо Великолепный, мэрия Большого Лондона – все они были заказчиками совсем не бедными, но кому это мешало?

Новость заключается в том, что в современном мире больше нет свободных мест и «белых пятен» – ни в географическом, ни в экономическом, ни в культурном смысле. Чтобы возвести здание или город, надо снести старую (историческую) застройку. Чтобы вложить милли-

Дождемся ли мы появления этой новой ветви архитектуроведения, которую можно было бы назвать профессиональной антропологией архитектора? Трудно сказать, ибо для ее рождения потребуются сильнейший рывок за рамки принятых форм архитектуроведения и необычайная смелость и открытость исследователя. Нынешнее состояние архитектуроведения такого прорыва, увы, пока не обещает.

текст

Константин Лидин /

text

Konstantin Lidin

ард в новаторскую постройку, надо вычестить эту сумму из других социальных программ. Чтобы воплотить в стекле и бетоне авторские фантазии, надо изменить традиционный образ города. Полный, пустой мир, в котором жили наши предки на протяжении тысячелетий, на наших глазах заменяется миром полным, в котором больше нет никаких пустот. Зодчество, самое масштабное из всех видов художественного творчества, приобретает зловещее сходство с добычей и распродажей нефти и других невозобновляемых ресурсов, потому что каждый новый проект означает разрушение и утрату чего-то старого. И где взять уверенность, что новое будет более ценным?

Тут появляется вопрос номер три: что же тут поделаешь? Можно, конечно, поплакать над горькой судьбой сегодняшнего (а еще горше – завтрашнего) архитектора, которому достался такой незавидный выбор: либо становиться соучастником расхищения тысячелетних культурных накоплений, либо оставаться без работы...

Не будучи архитектором, наберусь, однако, нахальства и предложу свой вариант ответа на последний вопрос.

Профессия архитектора меняет свой смысл и содержание. Преобразующая, новаторская функция отступает на второй план. Вперед властно выдвигается функция сберегающая, сохраняющая. Не музейная консервация, а продление полноценной жизни зданий, кварталов, городов. Не в навязывании людям «единственно правильного» образа жизни, не в прогрессорском пафосе конструктивистов и корбюзянцев социальная роль современного архитектора. Тонкое и глубокое вчувствование: какие ценности составляют основу образа жизни людей, которые будут жить в этом доме, квартале, городе? Какие ритмы, какие эмоциональные состояния, отношения поколений, этика и эстетика присущи именно этим людям? Что можно изменить, а что лучше оставить неизменным? «Не надо чинить то, что не сломано» – сказал Конфуций.

Как и любая конверсия, смена смысла профессии протекает болезненно. Профессиональное образование, профессиональное сообщество, традиции, престиж, институциональное оформление – все это крошится и ломается. Что возникает из-под обломков?

1. von Weizsaecker, E., Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. – Springer, 2018. – 220 p.